

Вячеслав НЕМИРОВ

Вячеслав Немиров родился в 2000 году в Москве. В 2018 году поступил на филологический факультет Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. До настоящего времени нигде не публиковался.

ДЕВОЧКА ИЗ КОММУНАЛКИ

Рассказ из цикла «Вперёд и наискосок»

Всё реже включаю свет. Днём хватает солнца. Мутное бельмо, размазанное по январскому небу. Вечером загораются уличные фонари. Их свет до скрежета в глубине черепной коробки напоминает болезненное свечение кварцевой лампы. Москва в январе похожа на больницу. На хоспис или лепрозорий. Кажется, ещё немного, и услышу похмельное дребезжание больничной аппаратуры. В этой квартире я живу уже двадцать лет. За это время, наверное, только распоследний идиот не выучил бы дороги из кухни в комнату. Пускай даже в темноте. Почему проще без света? Не знаю, наверное от лени. А может, какое-то животное желание уйти в спячку, спрятаться в тёплом и тёмном углу, спать беспробудно до весны с её рваным небом и ветром, пахнущим жизнью.

Попробовать вспомнить ещё раз? Что, питаться этим всю зиму, что ли, собираешься? Будешь теперь обмусоливать. Как медведь лапу сосёт, так ты будешь воспоминания обсасывать? А я всё равно припомню. Хотя и опять навру, что-то приукрашу.

Всё расплывается, от самого начала... Откуда я тогда шел? Из Некрасовской библиотеки. Откуда я ещё мог идти по Бауманской улице к метро? Вряд ли просто гулял. Только мазохист, отъявленный, уже уставший от иголок во все возможные места, пойдёт гулять по Бауманской улице. Сплошная разруха и смерть. Домики грязно-канареечного цвета, узкий бугристый тротуар, на второй линии панельные башни, постоянно туда-сюда снуют трамваи без пассажиров, и голый пустырь, где когда-то стоял рухнувший рынок. Был бы я Свидригайловым, пришел бы на этот пустырь «уезжать в Америку».

Значит, точно из Некрасовки шел. Потом кончились сигареты, магазин, остановился в арке, – это я помню наверняка.

С какой она подошла стороны? Каблучки, стучали каблучки.

«У вас не будет сигареты?» Ну какой я ей вы? Даже, наверное, младше.

«Конечно, на здоровье». Всё остришь? Старо как мир. Хотя она улыбнулась.

Как она выглядела? Похожа на маму, только моложе. Все они на маму похожи, когда всё между вами заканчивается. Универсалия такая. Конкретнее, вспоминай. Как же трудно припоминать внешность девушек, красивее которых, казалось, нет никого на свете. Память сама себя от разочарования предохраняет, стирает всё начисто, не дай бог окажется, что фея – обыкновенная тёмненькая, по-татарски смугловатая девчонка (именно девчонка) с самыми заурядными карими глазами. Ничего выдающегося ведь. Даже в прямом смысле. Грудь у неё не было. Точно помню, на её смуглом лбу белел островок небольшого шрама, оставшийся от давно выдавленного прыща.

А что потом? Смазанная грязной лапой краска. Взял за руку. Так быстро? Сам удивился. Она не против. Рука руку греет. И гулял по Москве ветер. А мы с ним вместе.

«Может, выпьем. Угостишь?» Уже были на ты. Сначала за руку, а потом на ты? Не наоборот? Нет, не наоборот. Сначала за руку, а потом на ты. Снова магазин, какое-то вино.

«Да ладно тебе, может, что покрепче?» Это она или я? Взяли покрепче. Виски. Водку не признаю. «Барство какое». Это она. В её стиле.

«А я в коммуналке живу, ничего же?» Это тоже точно она. Никогда не был в коммуналке, это даже как-то не по-московски, всегда думал, что только в Питере коммуналки остались.

Дом был похож на готический замок из экзальтированной фантазии русского сентименталиста и заводскую постройку одновременно. Краснокирпичный, с башенками непонятного назначения. Снять бы этот дом в роли здания ГубЧК в фильме о ранних годах советской власти. Вокруг пустырь, строительный мусор (что он там делал?), вдалеке – купола церкви и трубы ТЭЦ. Скользкий подъезд, бесконечные повороты ключа и лязганье задвижек.

«Сим-сим! Откройся». Опять остришь. Клоун ты, Слава.

Ожидал отклеивающиеся обои, лампочку Ильича и одинокую табуретку. Так оно всё и было. Влево – кухня, там кто-то копошился или что-то копошилось. Очень по-тараканьи. «Это соседи, забей, привыкнешь ещё». Как будто оправдывалась. Неужто у меня на лице было написано недоумение и отвращение? Почему привыкну? Уже тогда знала, что я ещё приду.

Потом пили в комнате, из гранённых стаканов, сидя на выдавшей и лучшие времена тахте. Говорили обо всём, но больше, конечно, о Москве. О ней я, кажется, могу говорить вечно, по суждению об этом городе угадываю своих, угадываю тех, кто привязан со мной веревкой к одному дереву. Она хорошо говорила. Она точно была умнее меня. Какое это наслаждение и какая обида, когда девушка умнее тебя! «Меня, знаешь, от Арбата трясёт. Бэк ту девятностые. И ряженные эти в костюмах. Пидорасы гнутые!» Было в каждом её матерном выражении, которые она вворачивала явно не без удовольствия, что-то похожее на удар хлыста по белой коже. «А что такое Патриаршие? Позор. Эти сладкари светские, богема недобитая, ну что им там, как мухам, что ли, намазано?» Мы ругали Москву, ругали высшее образование. На кого она училась? «На безработную». Тоже острила. Как же мы были похожи.

За стенкой надсадно кашляли. «Это соседка, бабуля, божий одуванчик». Бабуля кашляла так, будто за раз выхаркивала не меньше ведра собственных внутренностей. Виски жёг крепче водки. Закусывали чёрным хлебом. «Почитай что-нибудь, ты же филолог». Она прикрыла глаза и улыбнулась. Я понял, что, видимо, ночевать останусь здесь. Что было потом?

Её руки в моих волосах, голое плечо, кашель за стенкой, вечный кашель за стенкой. По голове стучало: «С этим кашлем ничего у меня не получится, чтоб ты сдохла, старая пизда». Кое-как получилось. Курил в форточку. Она подошла сзади, спиной почувствовал, как меня касается её грудь. «Какие у тебя волосы. Дал бы поносить?» Неоригинально. Уже тогда понял, что это не про свадьбу и долгую и счастливую? Да.

Потянулись мои коммунальные дни. Приходил. Не стеснясь, пачкал вздувшийся, так похожий своими буграми на тротуар Бауманской улицы, линолеум осенней грязью. Без стука во вторую налево по коридору комнату, всё чаще смотрел не на неё, а на купола церкви и бесконечно изрыгавшую дым трубу. Как там пелось? «А из нашего окна превосходный вид на ТЭЦ».

К непреходящему кашлю привык, как привыкают к шуму поездов живущие возле путей. Читал ей стихи, она делала вид, что слушала, всё больше убеждался, что она похожа на маму. Только моложе. Плохой был знак. Хуже бабы с пустым ведром или говорящего ворона.

Выучил наизусть её грудь и плечи, стало скучно. Потом перестал оставаться на ночь, придумывал предлоги. Читал тогда Стриндберга и Сёдерберга и, уходя от неё, бродил по кирпичному лабиринту между Авиамоторной и Бауманской, фантазируя, что вокруг продуваемый всеми ветрами Стокгольм. Этих прогулок после ждал больше, чем всего, что до. Курил на заброшенной стройке. Под ногами, как свежий снег, бутылочными осколками хрустели чьи-то горе, радость, песни с упавшей на грудь головой и прочие страсти. Глядя на проносящиеся по третьему транспортному машины, представлял, как

сам еду по магистрали длиной в жизнь куда-то за горизонт, и всё реже представлял её рядом. Потом вообще перестал.

Она была неглупая, очень похожая на меня, только умнее. «А как мы расстанемся, знаешь? Хочешь, расскажу?» Я тогда опять курил в форточку. Где-то далеко бесконечно и надсадно лаяли собаки. Промолчал. Думал сойти за умного.

«Ты просто не приедешь. Просто не приедешь, и всё. Всё у тебя будет по-старому. Даже лучше, исчезнет лишний винтик рутины, отдохнешь, а там и новая какая девочка с плеером-веером». Лениво парировал.

«Хватит. А я в этой коммунальне останусь. Состарюсь никому не нужная, прямо как ты. Буду харкать, как Марина Степановна, а там, где она пока что живет, какая-нибудь молодая дура будет ебаться с молодым дураком вроде тебя. Сансара дала оборот». Щелчком отправил сигарету в полёт с высоты пятого этажа.

Молчали. «Останешься?» Не хотелось, но остался. Специально остался, чтобы по горло ей насытиться, чтобы наутро уже затошнило, специально хотелось так сделать, чтобы она права была. «Превосходный вид на ТЭЦ. Вечерами ого-го, по утрам – такой пиздец», – так там пелось.

Она и оказалась права. Через пару недель я вообще перестал приезжать. Не помню, как мы виделись в последний раз. Скорее всего, ничего необычного и драматичного. По-настоящему видаться мы перестали после тех её слов. Тела наши касались друг друга, это без всяких сомнений, но уже в полной темноте, под кашель бессмертной Марины Степановны. Друг друга мы уже не видели.

Вот и припомнил. Посмаковал. Через денёк-другой не забудь снова повспоминать, только деталей добавь. Соски её получше себе опиши, или, там, как пахла кожным её новая косуха их «Зары». Когда совсем будет неважноту, рукой себе помоги. Дотянешь до весны на этих воспоминаниях, а там другая подвернется. Нанизывай на нитку бусы с расплывшимися, похожими на ритуальные маски, лицами. Девочка из Рязани, девочка с Тёплого Стана, девочка из Керосинки, девочка с ирокезом, теперь девочка из коммуналки на Бауманской. Нанизывай, места на этой нитке всегда хватит. Сиди в темноте, вылезай оттуда только чтобы вспышкой ворваться в чью-то рутину, и так же молниеносно исчезнуть. В этом скука твоей жизни. А потом поженишься и остепенишься. Опять враньё. Станешь старым эротоманом. Хуже этого – ничего. Молодым эротомания прощается, даже больше – она им свойственна, а сексуальное желание у старика – это всегда заигрывающее с извращением. Горче всего будет, когда нитка твоя истончится и порвётся, рассыплются твои бусинки, не соберёшь их трясущимися руками маразматика. И только ветер всё так же будет гулять по Москве, но уже без тебя.